

Донатас БАНИОНИС

Не могу сейчас даже припомнить, как именно – то ли телефонным звонком, то ли как-то иначе – меня вызвали в Ленинград на пробы фильма о разведчике.

Я не знал, кто меня приглашает. И был совершенно убежден в том, что не поеду. Во-первых, я некрасивый. Во-вторых, рост не такой, какой должен быть у разведчика. Ну и в третьих, разведчик должен быть стройный, а я... не очень. Одним словом, на советского разведчика я был не похож. Может, на американского? – так и они, судя по фильмам, подбирали парней с героической внешностью.

Но я подумал: поеду. Совсем не потому, что надеялся сниматься. Главное – возможность приехать в Ленинград: у меня будет несколько дней, надо купить запчасти для "москвича", еще что-то... разные мелочи в Гостином дворе. Подумал: ну, они ошиблись. Был уже такой случай, когда меня пригласил Рязанов в "Берегись автомобиля" – сыграть прибалтийского пастора. Я тогда уже стал известен – после "Никто не хотел умирать", получил звание, призы, государственную премию, – поэтому сказали: Банионис. Из Одессы, где снимал Рязанов, в Вильнюс прибыл второй режиссер за мной. Мы встретились, и я вижу разочарование в его глазах: он ожидал светловолосого, синеглазого, с лицом таким вытянутым... типичного, одним словом. Но делать нечего – полетели: я чувствовал, он боится, что ему попадет.

Прилетели в Одессу, вошли в гостиницу, там сидели Брагинский, Рязанов и Смоктуновский. Взглянули на меня – и у всех в глазах отразилось: ну, "попали"! А деваться некуда – завтра съемка. И сняли меня. Это потом оказалось, что совсем неплохо получилось. Что, возможно, бывает пастор и такой.

И теперь, отправляясь в Ленинград, я ожидал такого же недоумения. Ожидал, что пригласили для "подставы", – такое бывает. Зовут одного, на которого заранее сделали ставку, а еще двоих-троих – чтобы худсовет не обвинил в отсутствии иных кандидатов.

Познакомился с Саввой. И вижу – не очень-то он моей внешности испугался. Но не стал особо на что-то настраиваться, лишь отметил про себя, каким симпатичным человеком сразу показался мне этот режиссер.

Забегая вперед, тут скажу: я так и не узнал, почему он меня пригласил. И теперь уже не спросишь...

"Мертвый сезон" – восьмой или девятый мой фильм. В кино первую роль мне дал Витаутас Жалакявичус – в картине "Адам хочет быть человеком". Потом я снялся снова у него – в фильме "Хроника одного дня". Четвертая работа оказалась опять с ним – уже упомянутая "Никто не хотел умирать"; она принесла нам успех. Жалакявичус был моим крестным отцом в кино, моим "главным режиссером" – таким, или почти таким, каким в театре был Юозас Мильтинис. Других настоящих режиссеров у меня так и не было.

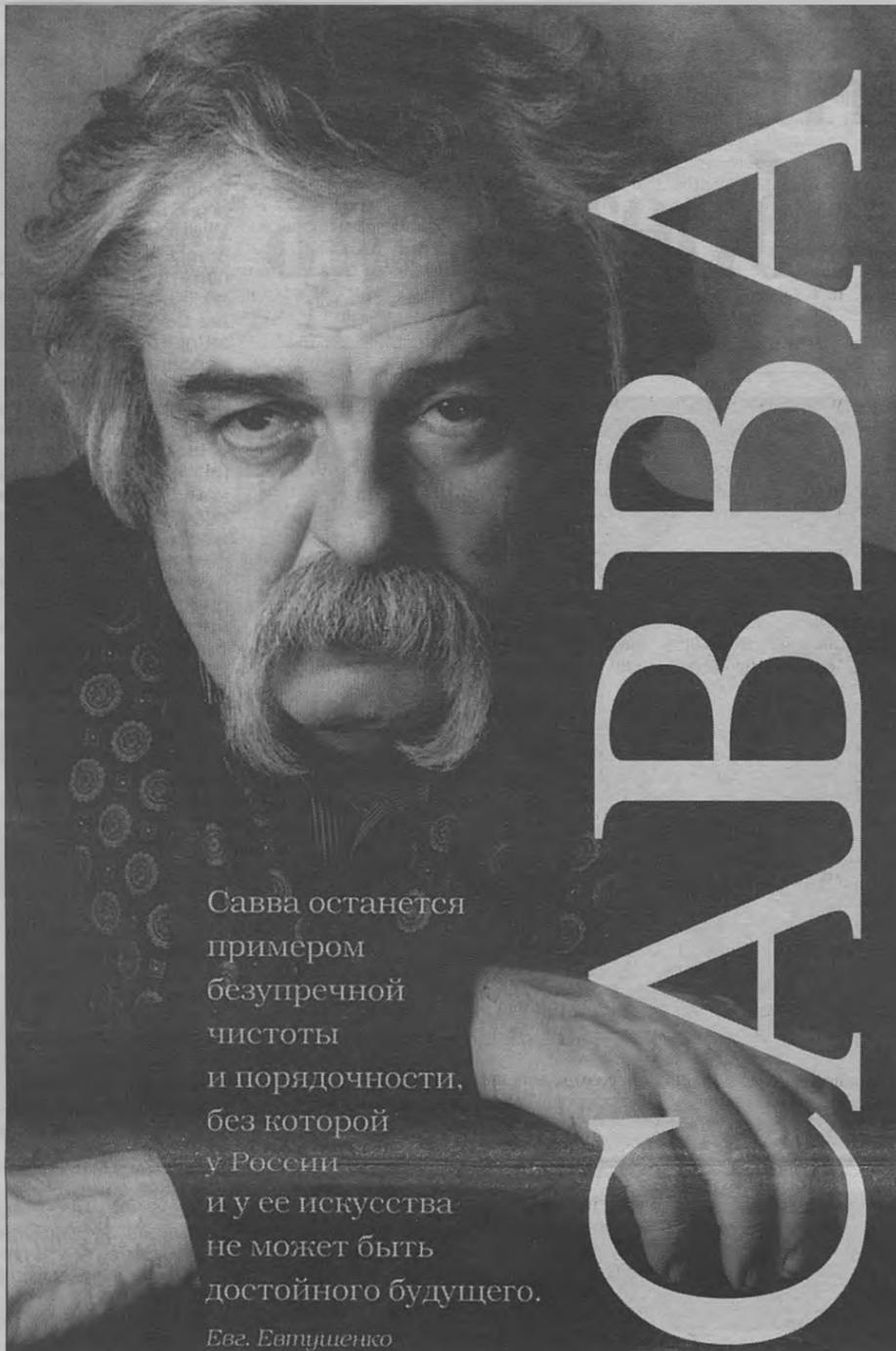
Савва – совершенно особый случай. Между прочим, его оценил и Мильтинис, которого я позже, по разрешению Саввы, пригласил на съемки в Ленинград: мой учитель должен был знать, что и как я делаю. Мильтинис приехал – и они нашли общий язык! Это мне очень понравилось. В Савве оказалось что-то такое, чему я учился у Мильтиниса с сорок первого года, когда пришел к нему перед самой войной. Это было удивительно и редко, особенно для тех времен. Мильтинис ничего мне не сказал после их встречи и просмотра отснятых эпизодов, но я понял – все нормально, все хорошо. Если бы ему не понравилось, он не молчал бы. Такой был человек.

Но вернемся к началу "Мертвого сезона". Пробы. Одели меня. Я все думал, как бы тут сыграть хотя бы похоже на героя... Старался смотреть, говорить низким голосом – так, как должен советский разведчик это делать. А на второй-третий день кто-то, не Ролан Быков, пробовался на Савушкина. И камера стояла на этого актера, а меня попросили реплики подавать из-за кадра. Я и говорил свой текст – просто так. Думал: зачем стараться, буду так, как мне нравится, играть. И я подаю реплики, и мне так приятно это делать, потому что меня не останавливают... и вдруг слышу, что Савва говорит оператору: "Поверни камеру на Баниониса, поверни на Баниониса!"

Ах, вот оно что! Значит, ему нравится то, что я делаю!..

И камеру повернули. А я, отыграв всю сцену, понял: мы с Саввой – единомышленники.

Тогда мы с ним поговорили открыто – и как-

Савва останется примером безупречной чистоты и порядочности, без которой у России и у ее искусства не может быть достойного будущего.

Евг. Евтушенко

В круглом зале библиотеки иностранной литературы прошла презентация книги "Савва, посвященной жизни и творчеству замечательного режиссера и человека Саввы Яковлевича Кулиша. Это прекрасно изданный том размером в полторы странички (издательство Зебра), включающий в себя воспоминания друзей и коллег, записки, статьи и интервью самого Саввы Кулиша, отрывки из рецензий на его фильмы, литературные заявки на, увы, неосуществленные фильмы. А все вместе создает образ необыкновенно талантливого и яркого художника, разносторонне одаренной личности. На вечере выступили писатели, кинематографисты, актеры, хорошо знавшие Савву Кулиша, говорившие о нем тепло и от всего сердца. Это был 69-й день его рождения – как много он успел и как много не успел в своей поистине подвижнической жизни. Воспоминание бессмертное "Книга – лучший подарок". И ему, и всем нам. "Эс" предлагает вниманию читателей воспоминания о работе с Саввой Кулишом Донатаса Баниониса и Евгения Евтушенко.

то обо всем: об искусстве, о кино, о театре... И я увидел – его слова совпадают с тем, чему меня учил Мильтинис. И притом он резко отличается от Жалакявичуса – очень умного, но очень жесткого человека. Савва же был другой. Сказать "интеллигентный" – ничего не сказать; он оказался неожиданно интересным, умным человеком – действительно, неожиданно для меня, потому что в те времена единомышленников было не так уж и много.

Что ж, подождем результата. – подумал я, когда прочел и благодарил за приятную работу – а не за возможное утверждение меня на роль. Но прошло некоторое время, и сообщили, что утвержден именно я. Удивлению не было конца: как это так! Неужели не пробовали Кадочникова? или Тихонова? Кстати, кого пробовали, я так и не узнал. В кино не принято об этом ни спрашивать, ни говорить артистам – чтобы мы не чувствовали друг друга конкурентами...

Начались съемки – в Ленинграде, потом поехали в Германию, эпизод о том, как Ладейников почувствовал, что его вроде засекли, он не знает, как выпутаться... Вижу – мы понемножку отходим от сценария, и мне это нравится. Что об этом думали тогда авторы его, Влади-

мир Вайншток и Александр Шлепянов, я не знал, разумеется. Я только видел, что нам с Саввой об этом казалось необходимым что-то корректировать, что наши желания и направление изменений совпадали. Мы многое определяли совместно, Савва советовался со мной – это большая редкость, единственный случай в моей практике. Излишне и говорить, что в нем не было ничего диктаторского, столь свойственного многим постановщикам. Но он мог сделать замечание артисту. Скажем, мой партнер Ролан Быков появлялся на площадке буквально наскаками и довольно часто начинал собственную "режиссуру". Так вот, Савва всегда его останавливал.

Мне очень нравилось работать. Содержание эпизода мы обговаривали накануне вечером в гостинице, а на площадке я только спрашивал его о конкретных деталях: куда пойти? что посмотреть? И это все было так важно и интересно, так захватывало, что я даже не могу сейчас вспомнить ничего другого из всех этих трех-четырёх месяцев съемок – как мы отдыхали, например. Или еще что-то.

Я чувствовал, что играю, как говорится, судьбу человека. Не определенно советского человека, с кондовым таким патриотизмом. –

нет, я играю человека вообще. Я даже представлял себе, что это может быть и американский, английский разведчик, попавший в такую ситуацию. Мне казалось, что любой человек в подобном положении был бы несколько растерян...

Удивительно, однако я нашел подтверждение многим своим догадкам только сейчас, когда мне подарили книгу Леонида Колосова и Трофима Молодого "Мертвый сезон: конец легенды". Трофим Молодой – сын разведчика Конона Молодого, который, как считается, был прототипом моего Ладейникова – и консультантом на съемках фильма "Мертвый сезон". А известный журналист Леонид Колосов – друг Конона. В книге, кстати, приводится и фрагмент моего интервью одной газете, где я рассказывал о работе над этим фильмом, – тогда, в начале и середине 90-х годов, впервые появилась возможность говорить о разведчиках-нелегалах. Конечно, далеко не все в картине – повторение судьбы Конона Молодого. Ладейников – образ собирательный, но я нашел в книге много подтверждений самого настроения этого человека в тот период, его чувств, его состояния. Получается, мы делали все правильно, эта книга как бы нас "оправдывает". Хотя в ней есть и немного такого ложного героизма, но совсем немного.

Мы этого героизма всячески избегали. Потом выяснилось, что это кое-кому не нравится. Впрочем, по порядку.

Примерно в середине съемок у меня был перерыв, и я поехал домой в Литву. Проходит неделя – а вызова все нет. К концу только второй недели я снова в Ленинграде и спрашиваю Савву: в чем дело? Он ответил, что затянули с постройкой декорации. Сначала я поверил. А через некоторое время мне кто-то сказал, что картину остановили, поскольку худсовет решил – Банионис не годится для роли советского разведчика. Мол, непохож.

А надо сказать, что впервые я увидел Конона на шоссе под Москвой, где снимали сцену обмена (как мы потом смеялись – литовца меняли на литовца). И Савва накануне сказал, что на съемке будет присутствовать настоящий бывший разведчик, прототип моего героя, он подскажет, как это было на самом деле, чтобы нам все сделать точно. Конечно, кино есть кино – и ритм сцены надо делать особый, и кадр выстроить, и жизнь на экране другая, но все же в основе – подлинное событие. (Кстати, позже Конон Молодой подарил мне книгу своих воспоминаний "Высшая ставка" на польском языке – я читаю по-польски – и там я нашел описание реального обмена его на английского разведчика: очень многое мы сделали действительно "по жизни".)

И вот съемка, я жду, когда же придет этот советский разведчик. Нет его, нет... уже ставят камеры, репетируем, я спрашиваю Савву: "Не пришел, что ли?" – "Как не пришел? Да вот он стоит".

Я взглянул и аж чертыхнулся – какой же это разведчик! Это обыкновенный простой человек, ничего больше! Говорю Конону: "Вы совсем не похожи на разведчика! Извините, я вас не признаю!" В ответ и он посмеялся, сказав, что разведчик и не должен быть "похож", что он должен выглядеть очень обыкновенно... Та встреча и разговор утвердили меня в мысли: я не старался выглядеть героем – и правильно.

Как ни странно, мы с ним даже на фотографии чуть-чуть похожи. Не лицом, может быть, но общей внешностью.

Но этого, очевидно, не поняли ни директор "Ленфильма" Киселев, ни сценаристы. Шлепянов даже сказал, что снимет свою фамилию с титров (правда, потом все-таки оставил). А Вайншток таких заявлений не делал, хотя и был недоволен. Возник конфликт, все они были настроены не только против меня, но и против Саввы...

Конечно, я узнал об этом гораздо позже, уже по окончании работы. Кулиш поступил мудро, ни словом не обмолвившись мне о том, что меня хотели с роли снять. Савва правильно рассудил: скажи он мне о таком недовольстве начальства – я бы стал, может быть, как-то игру менять, пошла бы фальшь, ложь... Роль была бы провалена.

Почему же все-таки обошлось? Точно сказать не могу. Но полагаю, что за меня вступился сам Конон Молодой. А еще – Михаил Ромм, которого Савва пригласил посмотреть материал. Ромм все же был авторитетом в кинокругах.

Я очень ценю Савву за такой умный подход к актеру. И самое главное – я еще раз убедился, что не надо слушать власть. Если будешь слушать власть – ты пропал. "Никто не хотел умирать" тоже чуть не закрыли под тем предлогом, что, мол, никакого сопротивления советской власти не было. Но Жалакявичус не послушался и доделал фильм, а только потом наш первый секретарь Снечук вдруг объявил: "Сопротивление было, "лесные братья" были, мы покажем историю"... Начальство – оно такое, переменчивое. Тот же Киселев на лен-

Зеркал и сцена